

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Образование и развитие национального языка тесно связаны с историей народа, говорящего на нем. Теперь уже стало общим местом всех специальных исследований, что своеобразие исторического процесса определяет формы образования каждого конкретного языка племени, народности, нации. Однако связь развития языка с развитием общества не исчерпывается изменениями внешней стороны языка или сферы его обращения. Сам ход языкового развития оказывается достигаемым для воздействия общества. Появление антагонистических классов, развитие промышленности и торговли, письменности и литературы, крупные сдвиги в жизни общества и социальные перевороты, развитие техники и технических средств общения оказывали и оказывают влияние на совершенствование языка. Так как национальная специфика языка является до известной степени преломлением особенностей истории его носителей, знание характерных и типических черт общественного бытия на протяжении значительного периода времени помогает установить специфические особенности в развитии того или иного национального языка.

Важное значение для образования языка узбекской народности имел период с IX по XII в. Крупные изменения в общественном укладе тюрок Средней Азии, выразившиеся в расширении ремесел и торговли, в переходе части кочевников к земледелию и в обострении социальных противоречий, привели в конце X в. к необходимости создания централизованной власти. Повидимому, при таких обстоятельствах появилось государство караханидов, более конкретные причины образования которого пока еще не изучены¹.

Со времени завоевания караханами Мавераннахра центры хозяйственной и политической жизни восточных тюрок частично переместились на запад. Наряду с Кашгаром и Баласагуном на востоке важное значение стали иметь центры Мавераннахра на западе.

Приход к власти караханидов сопровождался распространением удельной системы, появлением больших и мелких владетелей, носивших титулы илек-ханов и подчинявшихся великому хану Кашгара — тамгач-хану. Факт выделения крупных собственников наряду с другими обстоятельствами, упомянутыми выше, свидетельствует о зарождении начальных форм феодальных отношений. Возникновение нового государственного единства и территориальных подразделений в нем знаменовало далеко идущий процесс нарушения родоплеменных традиций, проявления новых общественных тенденций.

О племенном составе местного объединения, занявшего область Восточного Туркестана и Мавераннахра, едва ли можно говорить определенно. На основе географических сведений древних авторов X в. и данных, почерпнутых из соответствующих хроник, можно предположить, что в государство караханидов входили уйгурские племена, карлукки, аргу, тюркешы, ягма и др. Наряду с племенными и родовыми названиями представители указанных групп надолго закрепили за собою объединяющее наименование «тюрок», с более узким этническим содержанием, чем тюрок вообще. Тюрком называл себя Юсуф Баласагунский (XI в.) — автор дидактического сочинения «Кутадгу билиг»; тюрок, в отличие от огузов и кыпчаков, выделяет Махмуд Кашгарский; и, наконец, значительно позднее Захир-ад-дин Бабур, относя себя к тюркам и называя так оседлых жителей тимуридских владений, противопоставляет последних

¹ См.: В. В. Григорьев, Караханиды в Мавераннахре, СПб., 1874; А. А. Валитова, К вопросу о классовой природе караханидского государства, «Труды Кирг. филвала АН СССР», т. I, вып. 1, Фрунзе, 1943.

сартам² — иранскому (отуреченному) населению Мавераннахра — и узбекам — кочевникам нижнего течения Сыр-Дарьи. Имевшее место впоследствии противопоставление узбекам чагатаев отражало первоначальное разграничение оседлых тюрок и кочевников названной области.

Центральное положение в составе государства караханидов занимали карлуки и уйгуры. По свидетельству арабских источников, и те и другие были самыми могущественными и многочисленными среди тюркских племен. Очевидно, и сами караханиды происходили из карлуков, хотя существуют факты (например, титул первых караханидских правителей *бобра* в противоположность карлукускому *jabbu*), в известной мере опровергающие это положение. Возможность происхождения караханидов из других племен несколько не умаляет роли уйгуров и карлуков в новом объединении. Отсюда справедливо заключение, что история всех восточнотуркестанских тюрок с некоторого времени неразрывно связана с судьбами уйгуров и карлуков. Этим главным образом и объясняется характер консолидации племен внутри каганата и характер господствовавших в его центрах языковых норм, определяемых следующими особенностями, общими для восточнотуркестанского типа в широком смысле.

В фонетическом отношении: наличием полуузкого гласного *ä*, вместо *ä* или *i* (неэтимологического); сохранением изначального гармонического соответствия *a — u*: *алтун*, *хатун* и т. д.; сохранением конечных заднеязычных при узких и широких гласных, а также в интервокальном положении и сохранением особого сочетания *из* в любой части основы, например: *отунз* «дрова» (<> *отун*), *каранзбу* «темный, сумеречный» (<> *каранбу*); *тиранз* «глубокий» (<> *тиран*); ассимилятивным изменением *б* в личном и указательном местоимениях: *бэн* > *мэн*, *бу(нэ)* > *му(нэ)* и т. д.; отсутствием спонантизации *k*: ср. у огузов и кыпчаков, согласно сведениям Махмуда Кашгарского, *хају* «какой», *халач* — название племени, *ханда* «где» (т. III, стр. 218), *хакан* «каган» (т. III, стр. 221); наличием узкого гласного в морфологической части прошедшего категорического: ср. у огузов — *бардам* «я пошел» (т. III, стр. 140) (в этой связи можно обратить внимание на своеобразную огласовку аффикса, следующего за основой с широким гласным, в ранних манихейских текстах³); сохранением *б* в сочетаниях с другими согласными звуками: *чомбук*, *кисбач*, *кабан*, причастия прошедшего времени типа *барбан*, *калган* и т. д.

В морфологическом отношении: противопоставлением причастных (агентивных) форм типа *самбучи*, *тумбучи* огузским *самтачи*, *тумтачи*; присутствием причастных форм долженствования на -*бу/-гү*: *барбу*, *калгү* (ср. огузск. *бараси*, *калгаси*); сохранением без изменений полной формы настоящего-будущего времени в первом лице: так, у Махмуда Кашгарского встречаем *күлärмән* (т. II, стр. 65) (ср. огузск. *күлärän*, *күлirän*) и причастия на -*бан*, -*ган*: *барбан*, *турбан* (ср. огузск. *баран*, *туран*); особой структурой собирательных числительных: *йичагү*, *икагү*...

В области лексики и грамматики: отсутствием глагола *эт* «делать», имени *курт* «волк», отрицания *анг*, отрицательного члена *төгүл* и многими другими.

Несомненно, что и языки уйгуров и карлуков не были однородными. Они разграничивались между собой и вместе с тем обнаруживали ряд диалектных группировок внутри себя⁴. Возможно, что джекание, т. е. произношение *й* (*дже*) в начале

² По вопросу о значении названия «сарт» существует большое количество мнений, выраженных на страницах различных научных изданий (см., например: В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 80; Н. V a m b é r g, Die Sarten und ihre Sprache, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 44, Leipzig, 1890, стр. 203; Н. П. Остроумов, Значение названия сарт, Ташкент, 1884; Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане, Пг., 1916, стр. 114, 116). Следует, однако, отметить, что уже со времени Бабура смысл рассматриваемого наименования становится совершенно прозрачным и отношение слова «сарт» к местному иранскому населению, отуреченному или сохраняющему свой язык, не вызывает никаких сомнений.

³ См. примеры, приводимые А. фон Леккоком (A. von Le Coq, Türkische Manichaica aus Chotscho, I, Berlin, 1912): *kälmämāz*, *бардамаз* (стр. 39), *йачаб* «дерево» (вин. падеж; стр. 7). Повидимому, в этом же плане следует рассматривать и наличие различных огласовок в формах исходного падежа -*дан* (-*дән*) и -*дин* (-*дін*), из которых последние сохранились в карабулакском говоре (см. К. К. Юдахин, Некоторые особенности карабулакского говора, сб. «В. В. Бартольд...», Ташкент, 1927). Что касается утверждения в современном узбекском языке южной разновидности -*дан* (-*дән*), то это нетрудно объяснить, учитывая большую роль северо-западных (хорезмских) диалектов в период оформления языка узбекской народности.

⁴ Большая часть уйгурских племен после разгрома уйгурского объединения киргизами в первой половине IX в. осела в приалтайских степях. Другая часть уйгуров оказалась в Восточном Туркестане и впоследствии расселилась на обширной территории от Хами до Капгара. Язык этой группы запечатлелся в многочисленных

слова вместо *j*, характеризовало особое племенное наречие карлуков, тогда как произношение *j* на месте этимологического *n'* (звук, обозначаемый руной *з* в текстах орхонской и енисейской письменности) являлось особенностью всей карлукской группы языков, в отличие от языка уйгуров и огузов [ср. в языке аргу *кон* «овца» (в других языках *koi*); *канда* «где» (<> *kaiḍa*), *anīḥ* «известный, ясный» (<> *aṇīḥ*) и т. д.].

В составе первых миграционных потоков тюрков в Средней Азии, помимо уйгуров и карлуков, важную роль играли огузы, кыпчаки и другие племена, местом расположения которых стали границы владений караханидов.

Распространяясь на запад и северо-запад, тюрки захватывали области древнейшей земледельческой культуры, населенные ираноязычными народностями. Разумеется, речь идет в первую очередь о Согде и Хорезме, население которых было впоследствии ассимилировано узбеками. Независимо от конечного результата скрещивания сам процесс взаимного общения разнородных языковых единиц не мог пройти бесследно и для узбекского языка. Местные говоры последнего впитали в себя и сохранили значительное число восточноиранских слов. Так, очевидно, из согдийского языка было усвоено слово *бала* (*бола*) «ребенок» (ср. санскр. *bālīs* «мальчик, ребенок»).

К числу предполагаемых хорезмийских лексических элементов в хорезмском диалекте узбекского языка могут быть отнесены: *арна* «проточный канал, идущий непосредственно от реки или большого магистрального канала» < хорезм. **арна* (ср. санскр. *arṇas* «текущий, поток», *Arṇas* — название реки в древней Галлии⁵); *jan* «проточный канал, вытекающий из арна или просто меньше арна» < хорезм. **jan* или *ān*, (ср. авест. *ān* «вода»⁶); не исключено, что к этому семантическому ряду относилось также санскр. *yaṇuḥ* «поток, река»⁷, др.-перс. *yauiyā* «канал»⁸ и др.

Отторжение населения Согда и Хорезма происходило естественным путем и было характерно тем, что в городах переход к тюркской речи был чрезвычайно медленным и городское население пользовалось ею лишь приватно, в силу необходимости экономических связей. И тем не менее формирование тюркоязычного народа в Мавераннахре проходило интенсивно, так что новые ингредиенты подвергались воздействию тюркской речи, а не таджикской⁹.

О существовании узбекского этноса как такового можно говорить лишь в отношении периода, непосредственно следующего за монгольским нашествием.

Разделение каганата караханидов в середине XI в. на два обособленных государства: восточное — со столицей в Баласагуне, а затем в Кашгаре, и западное — со столицей в Урген(де) и позднее в Самарканде — положило начало образованию двух центров консолидации восточных тюрков, в то время как монгольское нашествие усугубило различия, вызванные первоначальным разделением. Бывший в течение некоторого промежутка времени относительно единым чагатайский улус уже в последней четверти XIII в. распался на две части: Мавераннахр и Мугулистан, включавший территорию Восточного Туркестана и Семиречья. К сожалению, отсутствуют языковые данные, подтверждающие строгое разграничение среднеазиатских и восточно-туркестанских тюрков в XII—XIII вв., однако их и не могло быть, так как население указанных территорий как в самом языке, так и в общем культурном укладе сохраняло значительную близость в течение продолжительного времени. Вместе с тем не вызывает никаких сомнений то обстоятельство, что уже в XIV—XV вв. грамматический строй и основной словарный фонд языка узбекской народности устанавливаются приблизительно в том виде, в каком они выступают в наши дни.

В соответствии с новейшими воззрениями, в которых нельзя не усмотреть проявление давней традиции, принято считать определяющим моментом формирования узбекской народности и узбекского языка завоевание Мавераннахра кочевниками-узбеками в XVI в. Полностью соглашаясь с этим, А. А. Семенов полагает, что в процессе

текстах преимущественно буддийского и манихейского содержания. Место расположения карлуков в X—XII вв. — юго-западные области Восточного Туркестана с городами Яркенд, Хотан и Кашгар. К памятникам карлукского языка мы относим «Кутадгу билиг», уйгурскую версию истории принцев Кальянамкара и Папамкара, тексты, записанные Врһмт-прифтом, «Хибат ул-хакаик», частично легенду об Огузе и соответствующие разделы в «Диване» Махмуда Кашгарского. Есть основания предполагать, что со времени образования каганата караханидов уйгурские племена Восточного Туркестана выступают в составе племенного объединения карлуков.

⁵ C. C. Uhlenbeck, *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache*, Amsterdam, 1898—1899, стр. 13.

⁶ H. C. Tolman, *Ancient persian lexicon*, New York, 1908, стр. 64.

⁷ C. C. Uhlenbeck, указ. соч., стр. 236.

⁸ A. A. Фрейман, *Хорезмийский язык*, М.—Л., 1951, стр. 110.

⁹ Имеются в виду монгольские племена: мангиты, джалаиры, кунграты, барласы, каучи, моғолы, барки, катаганы, кенегезы, джераксы и другие, отторженные вскоре после монгольского завоевания Средней Азии.

вторжения кочевников на территорию нынешнего Узбекистана «родственные узбекам по языку и происхождению местные тюрки и отуреченные монгольские племена известные тогда под общим названием чагатаев, или джагатаев, постепенно сливаются с массой узбекского населения, утрачивая большей частью свои племенные подразделения и этнические особенности»¹⁰.

Завоевание кочевниками Мавераннахра не явилось основным событием, завершающим формирование узбекской народности. Мы вполне солидарны с С. П. Толстовым, по мнению которого «средневековые „узбеки“ были не только не единственным, но даже и не главным из элементов, участвовавших в формировании узбекской нации»¹¹. Процесс оседания кочевых племен узбеков в междуречье не изменил коренным образом ни этнического, ни языкового типа народности, сложившейся здесь несколькими столетиями ранее.

*

В распространении восточнотуркестанского языка значительную роль играли такие факторы, как создание письменности и появление литературы, которые обладали широкими возможностями закрепления установившихся в живой речи норм.

Для караханидского литературного языка, опиравшегося на живую языковую традицию, факторами внешнего воздействия являлись: 1) тесные связи с земледельческими областями иранских племен; 2) укоренение ислама и мусульманской идеологии.

Как связь с иранскими племенами, так и подверженность воздействию арабов явились источниками обогащения словарного состава новыми словами, словообразовательными возможностями и словообразовательными средствами.

Иранское влияние на грамматику и фонетику караханидского литературного языка выразилось в конструировании союзных связей посредством *к.м* (обособившегося в своей синтаксической функции относительно-вопросительного местоимения) и нарушении сингармонии, вызванном утратой противопоставления «мягких» и «твердых» гласных фонем и развитием так называемых индифферентных звуков: *й, и > i; а, э > а; о, ё, у, ё > ё; у, ё > у* (может быть, последующие изыскания приведут к объяснению перечисленных явлений местными тенденциями). Мы хотели бы отметить также возможность проявления таджикских артикуляционных особенностей в узбекском оазисе, о чем в свое время писал Е. Д. Поливанов. Правда, новейшие исследователи узбекского языка склонны объяснять указанное явление позиционными обстоятельствами. Так, В. В. Решетов пишет: «Развивается оно либо в составе с билабиальными... либо возникает в непосредственном или смежном соседстве с глубокозаднеязычными согласными *ж, б, г*, в силу своей задней артикуляции...»¹². Однако эта точка зрения в настоящее время не настолько убедительна, чтобы ее можно было признать окончательной.

Из области лексики в литературный язык проникли такие восточноиранские, древнеиндийские и китайские слова: *найсик* «добрый гений» ~ санскр. *naivāsika* (непосредственным источником заимствования был, очевидно, тохарский язык); *аташ* «огонь» < перс. *аташ*; *буян* «благо, благодать» < санскр.; *эрдэни* «драгоценность» < санскр. *ратна*; *дуст* «друг» < иранск.; *душман* «враг» < иранск.; китайские слова: *бэндаң* «скамья» < кит. *бань* «доска», *дэн* «табуретка»; *канб(а)* «телега»; *инь* «жемчуг»; арабские: *алам* «знамя», *вакът* «налог в пользу бедных», *кала* «укрепленный город», *карп* «чужестранец» и прочие.

Существенным фактором внешнего воздействия являлись также различные культы, оказавшие влияние главным образом на характер словарного состава религиозно-повествовательной (манихейской и буддийской) и, отчасти, дидактической литературы. Именно распространению буддизма и манихейства обязаны своим проникновением в тюркские языки заимствования из санскрита, древнеиранские и пехлевийские, а также тибетские и китайские.

Местные формы литературного языка, близкого к народному, запечатлелись в небольших фрагментах древних эпических произведений тюрков, приведенных в словаре Махмуда Кашгарского. Колорит живой караханидской речи в среднеазиатской литературной форме сохраняет и уйгурский вариант сказания об Огузе.

До XI в. и особенно в XI в. центрами литературного развития являлись Кашгар и Турфан. Появлявшаяся в Кашгаре литература быстро распространялась на огромной территории каганата. Переселения в районы Мавераннахра образованных кашгар-лыков, тесные торговые и политические связи, с одной стороны, поддерживали лите-

¹⁰ «История народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947, стр. 49.

¹¹ С. П. Толстов, Древняя культура Узбекистана, Ташкент, 1943, стр. 5.

¹² В. В. Решетов, К вопросу об изучении узбекских народных говоров, «Юбилейный сборник, посвященный двадцатипятилетию Узбекской ССР», Ташкент, 1949, стр. 493.

ратурную преемственность, а с другой — подготовили почву для прочного усвоения в Средней Азии уйгурской письменности [составление ярлыков ханскими писцами, использование уйгурского алфавита при переводе образцов мусульманской литературы, как-то: «Мирадж-намэ» (1442), «Тезкерех ил-авлия» (1436—1437), «Сирадж ул-кулуб» (1432) и др.]. При этом в уйгурскую письменность переносились арабские диакритические знаки и отдельные буквы, которые использовались в качестве подстрочных знаков¹³.

Прекращение литературно-языковой традиции восточнотуркестанских центров, традиции так называемого «д»-языка следует отнести к XIII—XIV вв. С блестящей порой в существовании этого литературного языка связано появление крупнейшего памятника XI в. «Кутадгу билига» Юсуфа Баласагунского. В «Хибат ул-хакаик» Адиб-Ахмеда Югнаки намечаются впервые тенденции отрыва от норм «Кутадгу билига» и зачатки тех признаков, которые ложатся в основу новой языковой традиции. Тем не менее наличие *ä* (*adaq* «нога») и таких форм, как повелительное наклонение 3-го лица на *-су/-сй* (*каасу*, *билсй*, *кйасу*), на *-бу/-ей* (*гнанмабу*, *турбу*), частое употребление в качестве связки указательного местоимения *ол* и т. п. позволяют говорить в данном случае о восточнотуркестанской (карлукско-уйгурской)¹⁴ основе языка этого памятника. В «Кысас ал-авбия» Рабгузи (XIV в.) сохраняются «д»-основы, хотя другие особенности ставят его язык в особый ряд.

*

Расцвет староузбекской литературы и литературного языка относится к XV—XVI вв., т. е. ко времени деятельности Лютфи, Атая, Секкаки, крупнейшего узбекского поэта Навои, Захир-ад-дина Бабура и др. Помимо особого литературного штампа, язык их произведений носил следы некоторой изощренности, вызванной стремлением к созданию пышного и витиеватого стиля. Основой литературного языка послужила живая тюркская речь населения Мавераннахра, отличавшаяся, кроме существенной примеси иранизмов, конгломерацией восточных и западных тюркских элементов, происходившей в результате активных и непосредственных связей с кыпчакским населением Хорезма, центральной части Мавераннахра и кыпчаками-кочевниками.

Вопрос о литературной норме среднеазиатского литературного языка никем и никогда не ставился. Борьба за равноправие тюркской речи и ее простоту, глубоко преломившаяся в произведениях Навои («Мухакамат ул-лугатайн», «Лайли ва Маджнун» и др.), поучениях Бабура своему сыну Хумаюну, в «Шаджара-и тюрк» Абулгази, не пошла дальше теоретического обоснования ее необходимости. Уже в XVI—XVII вв. авторитет классиков староузбекской литературы способствовал консервации их литературного языка, который, не будучи изменяемым, в последующее время стал производить впечатление частично омертвевшей языковой нормы.

Стремление ограничить канонизацию норм литературного («чагатайского») языка, допуская в него местных форм проявилось, в частности, в Хорезме. Мухаммед Салих, Абулгази и другие в наибольшей мере придерживались ориентации на местные формы, используя в совокупности и южные, и западные элементы: притяжательные формы дательного падежа имени на *-(м)ä*, *(н)-ä* (*көбүмä*, *күнелүмä*, *башма*, *йүзүнä*, *јакасынä*)¹⁵; собирательные числительные на *äй* и *lä* (*мүртäй*, *икäй*, *икälä*, *үчälä*); формы уподобительно-указательных местоимений (наречий), например *булай*, а также союз-наречие *јукса*, общий для языков западной и южной групп, и, отчасти, «вставочное» и в местных падежах.

*

Развитие восточнотюркского (староузбекского) языка Мавераннахра в период с XIII по XVI в. определяется обстоятельствами, вытекающими из специфики исторического процесса на указанной территории. В данном случае выступает обычное для Востока взаимодействие кочевнической и оседлой части общества. «У всех восточных племен, — отмечает К. Маркс, — можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»¹⁶.

¹³ См. «Сирадж ул-кулуб», рукопись Брит. музея. Фотокопия рукописи находится в б-ке Ин-та языкознания в Ленинграде.

¹⁴ См. Н. А. Вассанов, К вопросу о классификации тюркских языков, «Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка», 1952, вып. 2, стр. 129.

¹⁵ Примеры взяты из источников: «Шейбани-намэ», изд. Г. Вамбери; «Шаджара-и тюрк», Ms. ог. 721 и «Шаджара-и тюрк», Ms. ог. А. 895 (Рукоп. отдел Ин-та востоковедения АН СССР).

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. письма, 1953, стр. 73.

В условиях существования полукочевого феодализма натуральное хозяйство, обособленное развитие городов - крепостей и кочевых улусов и вытекающие отсюда обстоятельства способствовали образованию большого числа территориальных диалектов; но, с другой стороны, постоянная борьба кочевой части общества с оседлой приводила к сглаживанию диалектных различий, возникающих вследствие проявления первого фактора. Оседание кочевников в центральной части Мавераннахра, в Шаше и Фергане происходило в течение нескольких столетий, и процесс проникновения в местный язык кыпчакских элементов был многосторонним и довольно длительным.

В легенде, которая приводится в анонимном сочинении под названием «Шаджарат ал-атрак», можно усмотреть один из моментов передвижения кочевников в XII—XV вв. в Мавераннахр: «... а когда каждого из тех людей, которые вместе со святым Сейид-Ата и Султан-Мухаммед-Узбек-ханом выступили в поход и шли (в Мавераннахр), спрашивали, кто эти идущие, то они избирали (для ответа) имя предводителя и царя своего, которое было Узбек. По этой причине с того времени пришедшие люди стали называться узбеками...»¹⁷ Нам не интересуют вопрос, касающийся истинности этих истоков для последующего этнического наименования тюркского населения юго-восточной и центральной части Средней Азии. Важен тот факт, что для историков XV—XVI вв., писавших на персидском и тюркских языках, представлялось достоверным и очевидным продвижение кочевников на юг в начале XIV в. (Узбек-хан, годы правления 1312—1342), т. е. задолго до возникновения государства Абульхайр-хана, завоевавшего область нижнего течения Сыр-Дарьи с городами Сыгнаком, Узгендом, Сузакком и другими лишь в середине XV в.

Завоевательное движение Абульхайра способствовало распространению в низовьях Сыр-Дарьи западнотюркских языковых элементов. Надо прямо сказать, что оно изменило соотношение диалектных группировок, вызвало смещение некоторых диалектных явлений, однако не настолько, чтобы можно было говорить об их полном перераспределении.

Проф. А. Ю. Якубовский справедливо отмечает: «...кочевники-узбеки застали, если не на всей территории современного Узбекистана, то во всяком случае на огромной ее части, густое тюркоязычное, т. е. тюркское и тюркизированное население, которое долго жило здесь культурной жизнью и складывалось в процессе слияния с другими, более древними народами, жившими здесь со времен глубокой древности. Кочевники-узбеки вошли в это тюркоязычное население лишь как последнее слагаемое, передав ему свое имя»¹⁸.

Население улуса Абульхайра по своему составу не отличалось существенно от оседлого населения Мавераннахра. В акте возведения Абульхайра на ханский престол участвовали среди других представителей улуса уйгуры, карлуки, хытай, тангуты и другие, и таким образом восточнотуркестанские племена играли в нем далеко не последнюю роль. С другой стороны, и среди оседлого населения имелось известное количество западных племен, передвигавшихся с севера и оседавших в Мавераннахре на протяжении многих столетий. В связи с изложенным не может быть никаких сомнений в том, что противопоставление тюрков, оседлых жителей Мавераннахра, узбекам-кочевникам и квалификация процесса образования узбекского народа как скрещивания двух различных народностей являются ошибочными.

Равным образом обзор исторических и языковых материалов показывает, что сближение восточнотюркских (уйгуро-карлукских), кыпчакских и огузских элементов имело место и в Хорезме, отошедшем после завоевания монголов одной своей частью к улусу Джучи, другой — к улусу Чагатай. Границу между кыпчакскими и огузскими, с одной стороны, и «огузо-кыпчакскими» уйгуро-карлукскими наречиями Хорезма, с другой, проследить трудно. Можно только предположить наличие своеобразного барьера в виде перебора $j \triangleleft j$ (ср. *jыбылды* «повалился», *jірің* «твоя песня») и выпадения заднеязычных перед узкими гласными [ср. *олум* < *об(у)л-ум*]¹⁹, т. е. в форме тех особенностей, которые характеризуют в настоящее время язык главным образом северной («кыпчакской») части Хорезма²⁰. Если это

¹⁷ «Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем» («Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», II), Л., 1941, стр. 203—207.

¹⁸ А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941, стр. 3.

¹⁹ См. анонимное сочинение «Шаджарат ал-атрак», в кн. «Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем», стр. 203—204.

²⁰ Впрочем и некоторые кыпчакские говоры юга (в частности, ширин-кунградский говор Янги-Базарского р-на), описанные в начале 30-х годов Е. Д. Поливановым и повторно обследованные нами в 1953 г., представляют в довольно сложном диалектном составе ряд «кыпчакских» признаков, например: *балыкты* «рыбу», *талдың* «ветка талы», *кантың аяғыңи аш* «открой (развяжи) мешок», *аялч* «дерево», *бу jakka kıl* «иди сюда», *базаргй баргымга кэди* «хочется нам пойти

показательно для «джучидских» тенденций, то что может быть типичным для «чагатайских»? Вероятнее всего — конгломерация восточных и южных, т. е. огузских признаков. Так, например, в морфологическом отношении²¹, благодаря наличию форм генетива на *-ни/-ну*, *-и/-у*, форм дательного-направительного падежа на *-а*, *-аи*, *-ка*, *-каи*, *-а*, *-аи*, *-кар*, *-каи* (после притяжательных аффиксов 1-го и 3-го лица *-(м)а*, *-(н)а*), а также наличие частицы отрицания *дәки* (после *тәки*), деепричастий на *-а*, *-у*, *-и*, причастий на *-ур*, *-ар*, и *-гур* (после гласных), язык тефсира, комментированного перевода Корана, примыкает к языку «Кутадгу билига», «Кысас ал-анбия» и в то же время обнаруживает близость к языку староосманских литературных памятников.

Синтезированные особенности южной и восточной групп свойственны языку хикметов Ахмеда Ясеви (немногих, возможно, оригинальных из общего числа приписываемых ему); языку произведений его последователей: Сулеймана Бақыргани, Хамзы Шейяда, Юнуса Имре, а также стихотворному сборнику «Кысса-и Юсуф», языковые формы которого достаточно глубоко разобраны К. Брокельманом. Из числа более поздних памятников подобного типа следовало бы назвать «Равнаку-л-ислам»²².

Бесспорно, что взаимодействие узбекского языка с говорами Ангренской долины также не носило характера противопоставления двух языковых стихий, так как сами по себе последние выступали в виде гибридного типа²³.

*

Диалектные различия, имевшие место в области распространения узбекского языка в XV—XVI вв., в последующее время (XVIII в.) закрепились границами государственного разделения (эмиратство бухарское, ханства хивинское и кокаандское). Под властью Коканда вырос крупнейший хозяйственный и торговый центр Туркестана Ташкент. Как до завоевания Средней Азии русскими, так и после него в Узбекистане не происходит выделения ведущего диалекта, который смог бы сыграть нормализующую роль при установлении языкового единства в национальном масштабе. Отсутствие тесных внутренних связей, как следствие длительного экономического застоя, не способствовало нивелировке диалектных норм, а наоборот, усиливало противоположные тенденции.

Однако классический литературный язык, основоположником которого явился великий узбекский поэт Алишер Навои, продолжал существовать и в XIX в., приобретая в устах таких поэтов, как Фуркат и Муками, отпечаток новых общественных тенденций.

В конце XIX и начале XX в. размах революционного движения в России способствовал некоторому пробуждению народных масс в Туркестане и развертыванию борьбы против эксплуататорских классов, в ходе чего пропаганда в поэзии демократических идей поднимала роль литературного языка как средства искоренения социальных пороков и преодоления культурной отсталости.

Как известно, присоединение народов Средней Азии к России в целом имело положительное значение для их развития, в частности для ускорения экономического роста городов. Такие города, как Фергана, Коканд, Наманган, выросли и стали многолюдными после прихода в Среднюю Азию русских. Выдающееся значение приобретает Ташкент, ставший крупнейшим городом в Туркестане. В Ташкенте появляются зачатки промышленности, концентрируется хозяйственная и культурная жизнь, в нем сходятся все нити торгового и промышленного предпринимательства.

Позволим себе привести очень любопытную характеристику Ташкента того времени, данную ему акад. В. В. Бартольд: «Более, чем на какой-либо другой окраине, в Туркестане вся умственная жизнь сосредоточивалась в одном городе. Отъезд из Ташкента в другие местности Туркестана считался отъездом „в провинцию“; это выра-

на базар», *базардан кайтарилмиз* «мы возвращаемся с базара» (ср. *базаргай баратилмиз*) и т. д.

²¹ См. А. К. Воронков, Очерки истории узбекского языка, II, «Советское востоковедение», VI, М.—Л., 1949.

²² Более наглядное представление о синкретизме южных и восточных признаков дают современные узбекские говоры южного Хорезма. Приведем некоторые особенности, отражающие своеобразие «огузского», или смешанного типа: вин. пад. *эртәји* «сказку», дат. пад. *базарга* «на базар»; *карамин* (*карамай*) «не смотря», *кал/кал* «приди», *эйт* «уйди», *эйт/айт* «при уходе», *кайлайдил* «пришли», *уйт/вайди* «сел», *диласан* «если пожалеешь», *айрмай* «чтобы увидеть», *юртима* «в мой дом» (г. Хива); *йәддінји* «седьмой», *дүртінји* «четвертый», *кайлаиди*, *каланди* «пришел» (ср. *кайлаи йәди*, *гәтәнди* «ушел», *доккуз* (Шахатен, р-н); *күм ичин* «в пески», *оқимаи* «чтобы учиться, на учебу» (в г. Ургенч — *оқимака*), *атайи сибир* «корова моего отца», *шайи арана кат* «поставь пшеницу в стойло».

²³ См. В. В. Решетов, Классификация узбекских говоров Ангренской долины, «Бюллетень АН УзССР», Ташкент, 1946, № 7.

жение употреблялось даже в печати, также составлявшей одну из особенностей Ташкента. Попытки издавать газеты в других городах не имели прочного успеха...²⁴ Однако объединить вокруг себя все население Туркестана Ташкент в то время не мог в силу главным образом политических причин: Бухарское эмиратство и оба ханских удела, Кокандский и Хивинский, продолжали оставаться, формально или в действительности, автономными и независимыми государствами.

Слабые попытки разрешения проблемы единого литературного языка в эту эпоху связаны с течением «джадидизма». Буржуазно-националистические и пантюркистские тенденции джадидов вели к идее восстановления в модернизированной форме старого «чагатайского» языка как единого общетюркского, но не могли способствовать разрешению проблемы литературной нормы на живой разговорной основе.

«Литературный узбекский язык периода 1905—1917 гг., — пишет А. К. Боровков, — вообще производил впечатление не народного „смешанного“ языка. В литературе поэзия господствовала над прозой, стихи по форме оставались старыми и язык их более архаичным. Наибольшим влиянием был подвержен язык прозы, драматических произведений и газетный язык. Разнообразие влияний создавало впечатление чего-то бесформенного, переходного, смешанного в литературном языке. Это общее впечатление отражало до некоторой степени действительное состояние узбекского литературного языка в дооктябрьский период. Читателю бросались в глаза в первую очередь чуждые формы, татаризмы и „западно-тюркские“ элементы... Татаризмы и западно-тюркские элементы занимали действительно большое место в узбекском литературном языке, особенно в языке периодической печати, что объясняется, в первую очередь, идейными влияниями из центральной России, Крыма, Азербайджана и отчасти Турции»²⁵.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции Ташкент стал признанным центром консолидации национальных сил. Производительная норма населения Ташкента проникает в язык печати, официальной переписки и, наконец, художественной литературы.

В развитии национальной разговорной нормы находит свое отражение общий процесс сближения языка литературного и разговорной речи представителей трех наиболее крупных диалектных групп — самаркандско-бухарской, ташкентской, ферганской и, частично, хорезмской. Но трудности разрешения проблемы литературного языка служили препятствием для этого процесса. Наличие установившихся диалектных особенностей и региональных литературных языков, закрепляющих их, — следствие продолжительного существования на территории Узбекистана нескольких государственных образований — затрудняло выделение норм, которые могли бы иметь в живой языковой практике всеобщий характер. Огромное значение имела также проблема формы литературного языка. Она последовательно разрешалась переходом к письменности, созданной на основе средств русской графической системы.

Сложнее была первая задача. В дискуссии о перспективах развития узбекского литературного языка в 30-х годах по этому вопросу намечались две противоположные точки зрения. Группа «чагатаистов», в известной мере продолжившая тенденции джадидизма, утверждала, что необходим возврат к нормам «чагатайского» языка в его классической форме. «Чагатаизм», — отмечает А. К. Боровков, — находит свое выражение в стремлении направить развитие современного узбекского литературного языка в рамки средневекового языка классической чагатайской литературы»²⁶. Сторонники второй точки зрения отдавали предпочтение живым наречиям. Одни из них предлагали в качестве основы узбекского национального языка диалекты кыпчакские говоры, якобы охватывающие значительную часть населения; другие — сингармонистические говоры отдельных кишлаков, по той причине, что последние унаследовали органическую особенность тюркских языков — закон сингармонизма; третьи ратовали за параллельное существование всех узбекских диалектов в качестве устной и письменной нормы, дающее, по их мнению, возможность выделиться ведущему диалекту.

Представители обеих точек зрения игнорировали реальную историческую базу и конкретные условия развития литературной нормы. Если «чагатаисты» возвратом к средневековому состоянию стремились расширить сферу обращения литературного языка, то их «противники», наоборот, суживали ее и приближали к наречию, ограни-

²⁴ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 165.

²⁵ А. К. Боровков, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Ташкент, 1940, стр. 19.

²⁶ А. К. Боровков, Узбекский литературный язык, сб. «Язык и мышление», II, Л., 1934, стр. 79.

ченному в своем употреблении местно-диалектными нормами. Тем не менее до 30-х годов основа узбекского литературного языка определялась особенностями незначительного количества местных диалектов. Националистические и пантюркистские группы, стремясь провести свои языковые идеи, пытались «нормализовать» литературный язык только в соответствии с принципами сингармонизма. Однако попытки навязать узбекскому языку чуждые ему фонетические нормы полностью провалились.

В процессе совершенствования литературного языка в последующий период были отвергнуты и первый, и второй путь. Деятели узбекской литературы вместе со всеми передовыми слоями узбекского народа подвергли тщательному отбору литературно-языковое достояние прошлого, синтезируя ценные и устойчивые элементы старого литературного языка с живыми и наиболее распространенными формами ведущих диалектов. Примером такого синтеза могут служить произведения крупнейших узбекских писателей и поэтов — Хамиды Алимджана, Гафура Гуляма, Айбека, Шарафа Рашидова, Парда Турсуна и прежде всего основоположника советской узбекской литературы Хамза Хаким-заде Ниязи.

Большое влияние на развитие узбекского языка оказывает русский язык. Введение в 1940 г. новой системы письма, основанной на русском алфавите, значительно облегчило усвоение орфографии языка и способствовало ликвидации неграмотности. Переход на новый алфавит позволил создать стройную систему орфографических правил и упорядочить написание отдельных слов. Новый алфавит явился также одним из решающих факторов культурного сближения узбеков с другими национальностями Советского Союза. Наконец, унификация письма на единой основе ускорила процесс усвоения русского языка как средства межнационального общения. Значение и важность проведенной реформы очевидны в свете тех колоссальных успехов, которых достигли народы Средней Азии за сравнительно небольшой промежуток времени.

Велико значение русского языка и для развития лексики. Благодаря русскому языку узбекский словарь впитывает в себя новые термины, советизмы и интернациональные слова, расширяет словообразовательные приемы и стилистические возможности. Так, например, исследования проф. А. К. Боровкова и проф. В. В. Решетова показывают, что за 18 лет (с 1923 по 1940 г.) количество советско-интернациональных слов в периодической печати увеличилось с 2% до 15%, в то время как употребление слов арабско-персидского происхождения упало с 37,4% до 25%²⁷.

Влияние русского языка на узбекский в области фонетики, морфологии и синтаксической структуры предложения В. В. Решетов резюмирует в следующих пунктах: «1) появление нового типа слогов с двумя согласными в начале слога; 2) усвоение ряда типично русских звуков и четкой дифференциации звуков *л* и *ф*; 3) изменения в области ударения и усвоение в связи с этим природы русского ударения в его словоразличительной функции; 4) появление родовых окончаний (в фамилиях — А. Ш.) и некоторых морфологических форм; 5) изменения в типах синтаксических конструкций...»²⁸

Оформление единого литературного языка на основе синтеза литературно-языковых традиций прошлого и живых диалектных признаков при господствующей роли (в ходе дальнейшего сближения литературной и разговорной речи) ташкентского диалекта²⁹ и при благотворном воздействии русского языка определит истинный характер общенациональной языковой нормы³⁰.

А. М. Щербак

²⁷ См. А. К. Боровков, Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит (на основе русской графики), «Известия Узб. филиала АН СССР», Ташкент, 1940, № 7.

²⁸ См. В. В. Решетов, К вопросу об изучении узбекских народных говоров, стр. 503.

²⁹ По мнению В. В. Решетова, «... в основу узбекского национального языка должен лечь ташкентско-ферганский говор (ташкентский в фонетической своей части, а ферганский — в морфологической)» (В. Решетов, О диалектной основе современного узбекского литературного языка, газ. «Правда Востока», 23 IV 52).

³⁰ О развитии узбекского языка в новейший период см. статью Ф. К. Камалова «История становления и развития узбекского национального языка» (сб. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке», Ташкент, 1952), стр. 50—58.